
Е. Ю. ВАНИНА

КОЛОНИАЛЬНАЯ ИНДИЯ: ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО

Статья анализирует переформатирование английскими ориенталистами в колониальный период исторической памяти индийцев. Игнорируя традиционные подходы к истории и абсолютное большинство местных нарративов о прошлом, они реконструировали историю страны по западным образцам и внедрили свои концепции в сознание образованной элиты при помощи прессы и подконтрольной им системы образования.

Ключевые слова: вестернизация, модернизация, колониализм, ориентализм, Индия, история, историческая память.

Колониальная модернизация, занявшая почти полтора столетия, в большей или меньшей степени оказала влияние практически на все сферы жизни индийского общества. В числе этих сфер особое место принадлежит историческому сознанию: в отличие от различных аспектов экономической, социальной и политической жизни, колониальное переформатирование исторических представлений изучено гораздо меньше, хотя заслуживает внимания исследователей потому, что, по замечанию известного исследователя проблем исторической памяти Й. Рюзена, история «совмещает прошлое, настоящее и будущее так, чтобы люди могли жить в туго натянутом пересечении прошлого, о котором помнят, и будущего, которое ожидают» (Rüsen 2005: 1–2).

Историческое сознание индийцев доколониальной эпохи реконструировали, как и в любом средневековом обществе, различные жанры устных и письменных нарративов (эпиграфика, хроники, эпические поэмы и баллады о царях и героях, жития святых, биографии и автобиографии). Как и положено средневековым историческим текстам в любой стране, эти нарративы не всегда разделяли миф и факт, изображали не столько реальные характеры и поступки деятелей прошлого, сколько сословные идеалы. «Историй Индии» в доколониальную эпоху никто не писал, потому что единая страна Индия существовала лишь в представлениях иностранцев, но не на реальной карте мира: ни одна из крупнейших

*Историческая психология и социология истории 2/2019 87–101
DOI: 10.30884/ipsi/2019.02.05*

империй древности или Средневековья не совпадала хотя бы приблизительно по территории с современной Индией, ни одна из империй не была настолько долговечна, чтобы создать общеиндийский исторический нарратив (см. подробнее: Ванина 2014: 20–56), так что все доступные исторические сочинения доколониальной Индии – это нарративы о региональных государствах, княжествах, династиях.

Британские ориенталисты, приступив к изучению прошлого завоеванных народов Южной Азии, сделали чрезвычайно много: им все мы (как жители субконтинента, так и культурные люди из других стран) обязаны археологическими исследованиями древних цивилизаций и государств, расшифровкой надписей в графических системах – их в современной им Индии никто не понимал, – изучением и переводом на европейские языки множества философских, религиозных, литературных и исторических текстов, а также, и это самое главное, концептуальным осмыслением и периодизацией истории Индии. Однако, во-первых, вся эта благородная деятельность осуществлялась как неотъемлемая часть колониальной политики: по заключению немецкого исследователя М. Готтлоба, «история была неотъемлемой частью колонизации – доминируя в ней и одновременно подчиняясь ей» (Gottlob 2002: 76). Во-вторых, усердно изучая Индию, ориенталисты доверялись главным образом археологическим находкам, руинам, текстам (специально отобранным, о чем речь впереди), почти полностью игнорируя людей и их историческую память. Все то, что индийцы знали и помнили о своем прошлом, являлось «легендами», «мифами», «вымыслом», которые ни один серьезный ученый не мог принимать всерьез.

Внимания стоили только разработанные западными учеными, причем нередко даже до непосредственного знакомства с индийскими реалиями, концепции; под них потом подгонялись исторические и археологические источники при игнорировании всего, что эти концепции опровергало. Здесь стоит напомнить следующее отмеченное Э. Саидом обстоятельство: как правило, европейский исследователь приезжал в страну Востока с уже готовыми «нерушимыми абстрактными максимами относительно изучаемой страны, и редко ориенталистов интересовало что-либо, кроме подтверждения этих туманных ‘истин’ путем применения их, без особого успеха, к непонимающим и потому вырождающимся туземцам» (Said 2003: 52). Индийские исторические тексты, особенно не на санскрите, а на разговорных языках (по мнению британских ученых – грубых, «базарных» диалектах), игнорировались ориентали-

стами потому, что они не соответствовали европейским критериям «научности» и «достоверности», не подходили под те требования к историческому источнику, которые надолго утвердил для западной историографии Л. фон Ранке (Alexander 2007: 14; Чеканцева 2012: 57–58). Поэтому «живые», переписываемые и исполняемые устно, а также практически используемые (например, в качестве архивного подтверждения феодальных пожалований) в индийской среде исторические нарративы игнорировались; в качестве источников ориенталисты использовали немногочисленные известные им санскритские сочинения, а также свидетельства путешественников. Все это непременно сопровождалось жалобами на отсутствие достойных исследования текстов.

«Миссия белого человека» в применении к прошлому завоеванного народа состояла в том, чтобы научить туземцев «правильной» истории в противовес той «неправильной», которую они сами себе выработали. Одним из важнейших постулатов колониальной идеологии, причем не только британской, была, по выражению И. Н. Ионова, «деисторизация» народов Востока: они у ориенталистов выступали в качестве «находящихся вне времени», «неисторических (в обоих смыслах – не имеющих истории, то есть не развивающихся во времени, и не обладающих историческим сознанием)» (Ионов 2010: 48–61). Об «антиисторичности» индийцев, отсутствии у них представлений о прошлом или их «неправильности» писали многие выдающиеся ученые и мыслители XIX в., включая Г. В. Ф. Гегеля (1993: 199–200). Неспособность индийцев фиксировать и осмысливать свое прошлое особо отмечал Джеймс Милль: его «История Британской Индии», резко критиковавшая ориенталистов и не менее резко раскритикованная ими, стала своего рода «священным текстом» как для этих ученых, так и для всех, кто изучал впоследствии историю Индии, и прежде всего для самих индийцев (см. подробнее: Ванина 2014: 59–75). «Индия не писала историю потому, что никогда не творила ее», – резюмировал уже в начале XX в. авторитетный санскритолог А. Макдоннел (MacDonnel 1900: 11).

Таким образом, ориентализм как часть колониального идеологического дискурса стремился «цивилизовать» не только настоящее, но и прошлое Индии, дать подвластному народу «правильную», по европейским меркам, историю. С этой целью осуществлено следующее.

1. Периодизация истории Индии в европейском духе

Историю страны разделили, как это полагалось по европейским нормам того времени, на древнюю, средневековую и новую. Такое деление самим индийцам было незнакомо: для них периодами истории выступали династии или эпохи правления отдельных монархов. При этом очень рано, в полном соответствии с нормами Просвещения, исторические периоды оказались не только определены хронологически, но и соответствующим образом маркированы. Ориенталисты полагали, что в Индии, как и в Европе, имелись «блистательная древность» и «мрачное Средневековье». При этом необходимо отметить, что эта «блистательная древность» оказалась, по сути, благополучно «забыта» индийской исторической мыслью (большинство санскритских текстов, упоминавших о ней, было доступно лишь ученым брахманам, которые, как правило, историей не занимались, а тех, кто умел читать древние письма в графике брахми и кхароштхи, практически вообще не осталось), заново открыта ориенталистами и навязана туземцам.

Индийская древность выступала как аналог греко-римской Античности, на чем особо настаивал основатель европейской индологии У. Джонс (Jones 1807: 37), и соответственно, это была высококультурная и высоконравственная цивилизация мудрых философов-брахманов, великодушных и справедливых царей, мощных, высокоорганизованных империй и духовно-возвышенного народа (о том, что породило весь этот блеск, речь пойдет ниже). Согласно данной концепции, древность являлась золотым веком Индии; как это случилось в Европе, он пал под ударами «варваров»: сначала кочевых народов Центральной Азии, а затем – мусульман.

Еще Джеймс Милль делил историю Индии на «индусский», «мусульманский» и «британский» периоды (Mill 1972). В последующей колониальной историографии «мусульманский» период стал прочно ассоциироваться с «мрачным Средневековьем» (Lane-Poole 1903: III). Г. М. Эллиот, издавший в 1867–1876 гг. восьмитомную «Историю Индии, рассказанную ее собственными историками. Мусульманский период» (собрание переводов из фарсиязычных хроник Делийского султаната и Могольской империи), подчеркивал, что этот период дает лишь «блестящие примеры силы и слабости, преступлений, пороков и *случайных добродетелей* (курсив мой – Е. В.) мусульманского деспотизма в Индии» (Dowson 1867: v), а правители, которыми традиционно гордились образованные индийцы,

представляли собой «отбросы человечества» (Dowson 1867: xxi–xxiii). Аналогичный подход характерен для оценки английскими исследователями других исторических героев средневековой Индии – те, кого туземцы прославляли за отвагу и справедливость в эпических поэмах, балладах и народных песнях, трактовались как «разбойники» и представители «азиатского деспотизма».

Разумеется, «британский» период истории Индии рассматривался как эпоха приобщения туземцев к прогрессу, как время установления закона и порядка, как эра процветания. Публикация английскими историками средневековых хроник и иных текстов служила, по замечанию одного из наиболее авторитетных ученых-ориенталистов В. Смита, четко определенной цели: «...шокирующие анналы маленьких индийских государств, предоставленных на несколько столетий самим себе, могут показать читателю, какой всегда была Индия, лишенная контроля верховной власти, и какой она может стать вновь, если ослабеет благодетельная рука, охраняющая ее в наши дни» (Smith 1914: 258).

2. Деградация как парадигма эволюции

Дж. Милль и его единомышленники-утилитаристы отказывали Индии вообще в каких-либо цивилизационных достижениях, их оппоненты-ориенталисты прославляли Древнюю Индию как золотой век. Но и те и другие сходились на том, что, являлся ли этот век золотым или нет, все последующее историческое время страна непрерывно деградировала. Как отмечал уже У. Джонс, «какими бы деградировавшими и опустившимися индийцы ни выглядели в наше время, мы не можем сомневаться, что в некие древние времена они были великолепны в искусствах и оружии, счастливы в управлении и мудры в законодательстве» (Jones 1807: 32). Эти «некие древние времена», согласно ориенталистам, выступали единственной в истории Индии эпохой процветания, за коей последовал непрерывный процесс деградации. В результате, как отмечал в известной парламентской речи Т. Б. Маколей, англичане, придя в Индию, застали ее в положении Римской империи эпохи распада: «Мы нашли общество обширной страны в состоянии, которому в истории найдется мало параллелей; ближайшей может быть, пожалуй, Европа V века. При преемниках Аурангзеба¹ Могольская

¹ Аурангзеб – могольский император (1659–1707), правление которого подхлестнуло распад империи Моголов.

империя, подобно Риму после Феодосия, тонула под тяжестью порочного управления и под ударами варваров. В Дели, как в Равенне, сидел игрушечный суверен, ему позволяли наслаждаться жизнью, ему почтительно кланялись, он принимал и жаловал пышные титулы, но при этом оставался куклой в руках какого-либо амбициозного подданного. Когда эти Гонории и Августулы² Востока, окруженные раболепными евнухами, наслаждались жизнью, не заботясь о происходившем за стенами их дворцов, провинции прекращали повиноваться власти, неспособной ни наказать их, ни защитить. Общество являло собой хаос» (The Miscellaneous... 2004: 99).

Причины деградации, по мнению ориенталистов, были как внешними (нашествия «варваров»), так и внутренними: засилье брахманов, кастовый строй, «азиатский деспотизм», а также, чему придавалось особое значение, «женственность» индийцев, понимаемая как слабость, инертность, мечтательность (Г. В. Ф. Гегель вообще обвинял их в шизофренической неспособности разделять реальность и «грёзы», см.: Гегель 1993: 99–100), трусость, массовая развращенность, отсутствие патриотизма и гражданских чувств. Исследователи давно обратили внимание на гендерный аспект колониального дискурса. В нем Индии приписывались женские черты – еще со времен первых ориенталистов индийцев называли женственными, покорными, слабыми, изнеженными и миролюбивыми. Англичане же воплощали мужской идеал – отваги, доблести, мужества и энергии (см. подробнее: Metcalf 1995). Мужчине подобало силой и мужеством завоевывать женщину, та же, в свою очередь, всегда нуждалась в защитнике и руководителе. Именно поэтому единственным импульсом для развития Индии могло быть ее подчинение сильным и энергичным чужакам, прежде всего белым.

3. «Миссия белого человека» в истории Индии

В числе исторических событий, о которых Индия, давно и прочно их «забывшая», узнала только от британских ориенталистов, особое место занимают арийский миф и индийская кампания Александра Македонского. Культура ариев была открыта тогда, когда европейские ученые стали изучать и переводить ведийские тексты, прежде всего «Ригведу», давно вышедшую в Индии за рамки какого-либо общественного дискурса и сохранявшую значение только

² Гонорий (384–423) и Августул (461 – после 510) – последние римские императоры, обладавшие лишь номинальной властью.

в качестве ритуального текста. Для прославленного оксфордского профессора Ф. М. Мюллера, опубликовавшего *editio princeps* «Ригведы» и руководившего изданием серии «Священные книги Востока», существовали «две различные Индии»: арийская Индия ведийских гимнов – «рай на земле», страна мудрецов, живших «подобно птицам», медитировавших о трансцендентном, удовлетворявшихся тем, что дает природа, и мало заботившихся о внешнем мире; и та деградировавшая, нищая и аморальная Индия, которую презирали английские чиновники и военные – сам профессор никогда не ступал на ее почву и не советовал делать это своим ученикам, дабы не разочаровываться в Индии и ее арийском прошлом (см. подробнее: Lal 2003: 220). Увлечение британских (и не только) ориенталистов ариями, воображение их высокоразвитым, мужественным и нравственным народом объяснялось просто: арии, согласно этой концепции, были белыми, и именно они принесли в Индию цивилизацию – точно так же, как века спустя это сделали их прямые потомки, англичане, спасшие своих «опустившихся родственников» от хаоса и деградации.

В предложенную еще У. Джонсом концепцию единой индоевропейской языковой семьи, которую распространили на этнокультурные и социальные аспекты индийской цивилизации, внедрили расовый компонент. Ариев признали не просто носителями древнейшего индоевропейского языка (сама языковая семья все чаще стала называться индоарийской), но и этнорасовыми предками всех европейцев, лучшими из всех народов Земли (Thapar 2002: 12–13). Прославленный антрополог Г. Рисли, руководивший проведением в 1891 г. переписи населения в Индии, использовал для подтверждения своего тезиса о превосходстве «арийской расы» данные антропометрических исследований, утверждавших «превосходство» арийских черепов над неарийскими (см. подробнее: Sohn 1996; Waligora 2004), а также произвольно интерпретируемые тексты и произведения искусства. Именно ариям приписывался расцвет в Индии «блистательной древности», а последующая «деградация» объяснялась смешением «чистой» арийской крови с «нечистой» дравидской и «туранской».

Арийский миф приобрел огромную популярность не только в Европе, но и в самой Индии, где образованная элита с восторгом читала о своем арийском происхождении, как это показал в сатирическом стихотворении Р. Тагор (1987: 26):

«Арийцы» – Макс Мюллер изрек.
И вот мы, не зная тревог,

Решили, что каждый бенгалец – герой и пророк...
Что? Мы не великие? Ну-ка,
Пусть клевету опровергнет наука.
Наши предки стреляли из лука.
Разве об этом не сказано в ведах?
Мы громко кричим. Разве это не дело?
Доблесть арийская не оскудела.

Вторым событием, забытым самими индийцами и возведенным британскими ориенталистами на пьедестал в качестве поворотного пункта в истории их страны, стала индийская кампания Александра Македонского. Восхищаясь вслед за всеми европейскими авторами той эпохи «гениальностью» и «прогрессивностью» Александра, ориенталисты видели его главную заслугу в том, что он привел в Индию «европейцев» и тем самым дал толчок развитию культуры, искусств и литературы на субконтиненте. Практически все достижения древней Индии приписывались греческому влиянию и деятельности «фронтальных бригад» художников, архитекторов, музыкантов, поэтов и драматургов, которые прибыли в Индию с македонскими войсками и занялись «окультуриванием» дикой территории. Они положили начало развитию в Индии архитектуры, скульптуры и театра; то, что в эпосе «Рамаяна» кульминацией является похищение жены героя, свидетельствовало, по мнению ориенталистов, о непосредственном влиянии «Илиады» (как будто индийцы без греческой подсказки не могли додуматься до похищения красивой женщины) (Weber 1882: 194, 207, 300). Греческая наука «оплодотворила» индийскую математику, медицину и другие науки; знаменитые пещерные храмы Аджанты и острова Элефанта были созданы «греками, римлянами или финикийцами» (Keay 2001: 42, 175).

Индия, таким образом, не могла развиваться без влияния извне, причем это влияние, чтобы продвигать страну по пути исторической эволюции, непременно выступало как европейское и «белое». Дважды Европа привносила в Индию «свет цивилизации», и дважды неблагодарные индийцы не смогли его оценить и использовать во благо. По мнению В. Смита, «индийцы были впечатлены Александром и Менандром как могучими военачальниками, но не как культурными миссионерами. Восток редко был готов заимствовать у Запада, и даже если индийцы решались, как в случае со скульптурой или драмой, почерпнуть идеи у европейских учителей, они так ловко прятали заимствованное в национальные одежды, что даже самые тонкие и проницательные критики отстаивают оригинальность индийских имитаторов» (Smith 1914: 239–240).

4. «Общины» и «нации»

Импульсом для развития Индии могли стать европейские завоеватели, но ни в коем случае не мусульмане: выходцы из «пустынь Аравии» и «татарских степей», где «люди внушали большой страх, чем звери» (Dow 1770–1772: x), не могли принести в Индию ничего позитивного. Изначально ориенталисты рассматривали индийских мусульман как некий чужеродный элемент в индийском обществе. Предпочитая классическую древность и санскритскую литературу, они при этом изучали и фарси – официальный язык Могольской империи, а также исследовали хроники и официальные документы этой некогда мощной державы, на роль преемников которой британская колониальная система претендовала. Однако если не считать великого падишаха-реформатора Акбара (1556–1605), в значительной степени соответствовавшего европейскому идеалу просвещенного монарха, все мусульманские государства в Индии, включая Моголов, олицетворяли «азиатский деспотизм» и не могли оказывать на индийское общество сколько-нибудь позитивного влияния.

Исследуя индийское общество, ориенталисты не могли не понять, что абсолютное большинство индийских мусульман – вовсе не потомки завоевателей, а местные уроженцы, обращенные некогда в ислам. Вообще в доколониальной Индии человек, как правило, обладал множественной идентичностью: исповедуя ту или иную религию, он вместе с тем являлся членом той или иной касты (это относилось в равной степени к индусам и мусульманам), ассоциировал себя с определенной местностью (регионом, княжеством), языковым ареалом, профессиональной и сословно-статусной группой, религиозной сектой и т. д. Новообращенные мусульмане, принимая новую веру, сохраняли и старые идентичности, что делало их по языку, культуре, образу жизни, ценностям и мировосприятию ближе к индусам своего региона, чем к собратьям по вере из других регионов, не говоря уже о мусульманских странах за пределами Индии (Ванина 2007: 160, 190–196).

Все это британскими учеными и администраторами в расчет не принималось, равно как и то, что индуизм представляет собой самый сложный религиозный комплекс, состоящий из множества гетерогенных, часто противоречивых элементов; игнорируя это обстоятельство, англичане структурировали его по модели авраамических религий (Frykenberg 1993a; Штитенкрон 1999). В результате весь сложный социокультурный состав индийского населения был

упрощен британцами до двух «общин»: индусской (в нее долгое время включались также джайны, сикхи, буддисты и т. д.) и мусульманской. История же рассматривалась как кровавое противостояние этих «общин»; победа мусульман объяснялась их жестокостью и воинственностью, а также миролюбием и «женственностью» их противников-индусов. Многообразные примеры социального и культурного взаимовлияния двух «общин» (например, наличие множества сочинений, в том числе хроник, на фарси, авторами которых являлись индусы, или поклонение индусов мусульманским святыням) либо игнорировались, либо интерпретировались как доказательство «трусости» и «раболепной покорности» индусов своим «кровавым завоевателям» (Dowson 1867: xv–xxvii; Суворова 1999: 192–193).

Представления о гомогенных конфессиональных «общинах» индусов и мусульман фиксировались колониальной статистикой (см. подробнее: Frykenberg 1993b: 239; Appadurai 1993: 316) и транслировались во всю административную систему Британской Индии, так что любой индеец получал от колониальных властей доступ к общественной и политической жизни прежде всего как представитель той или иной «общины». Более того, еще со времен У. Джонса и одного из первых британских историков-индологов А. Доу, для описания индусской и мусульманской «общин» использовался термин «нация» (Jones 1807: 120; Dow 1770–1772: xxix, xxxiv) – само понятие, заимствованное из европейского политического дискурса и «внедренное» в колониальный туземный, до сих пор не имеет в индийских языках адекватного перевода. Зато в отношении конфессиональных общин этот термин привился весьма быстро, и уже в начале XX в. как в колониальном, так и в индийском националистическом дискурсе стали активно говорить об «индусской нации» и «мусульманской нации». Затем вполне естественно возникла идея о том, что эти «нации» должны иметь собственные государства (см. подробнее: Ванина 2014: 149–190). Отсюда начинался путь к разделу субконтинента на Индию и Пакистан.

* * *

Таковы направления, по которым ориенталисты переформатировали историческое сознание индийцев, и постепенно все эти научные «находки» превратились в жесткие догмы: от них сами английские авторы уже не могли отступать, несмотря на всю прокламируемую ими академическую свободу. Достаточно было пол-

ковнику-шотландцу Дж. Году опубликовать в 1828 и 1832 гг. двухтомные «Анналы и древности Раджастхана» и показать в них индийское Средневековье как героическую эпоху, имевшую немало сходных черт с европейским феодализмом, как на автора обрушился шквал критики, и все последующие издания книги выходили либо в сокращенном варианте, либо с длинным предисловием, излагавшим многочисленные «ошибки». Тогда, посмеявшись заявить, что Индия развивалась, по сути, в рамках той же исторической парадигмы, что и Европа, а раджпутские раджи представляют собой доблестную рыцарскую традицию, позволяющую им быть верными и достойными вассалами британской короны (Ванина 2014: 101–108).

Важно отметить, что все вышеизложенное стало не просто концепциями ученых, но частью официальной идеологии и транслировалось образованным туземцам через два мощнейших канала: прессу на английском и местных языках, а также, что еще более значимо, через систему образования. Для индийцев – выходцев из высших и средних классов никакая карьера, никакая профессиональная деятельность, никакой общественный статус не были возможны без получения как минимум аттестата английской школы, а по сути дела – диплома колледжа или университета в самой Англии (наиболее желательный вариант) или в Индии. Все эти «образованные туземцы» учились по составленным ориенталистами учебникам истории, по сочинениям Дж. Милля, В. Смита и других авторов, трактовавших прошлое Индии как многовековую сагу о деградации. «Одно нам внушается: мы были глупы и нецивилизованны», – резюмировал в 1912 г. известный поэт хинди М. Гупта (Gupta 1954: 118–119), а его старший современник, классик поэзии урду Акбар Иллахабади сводил все английское образование в Индии к лозунгу «Отбрось свою литературу, забудь свою историю!» (Akbar... 2010: 270).

В результате оказалось, что у народа, продолжавшего слушать и читать сказания о героях и справедливых государях прошлого, – одна история, а у образованной элиты, учившейся по английским учебникам, – другая. Исторические тексты доколониальной эпохи, особенно на региональных языках, были отброшены как недостоверная и неправильная история. Единственной связью англизированных джентльменов и леди с историческими представлениями широких масс и вообще с индийской культурой оказывались домашние слуги, развлекавшие молодых господ народными балладами о героях и религиозными сказаниями – все это априори объявлялось мифами. Характерно, что источниками для исторических

романов и драм индийским писателям, будь то Бонкимчондро Чаттопадххай, Бхаратенду Харишчандра или Хари Нараян Апте, служили английские произведения, особенно книга Дж. Тода. «Индия была в моей крови, и многое в ней инстинктивно волновало меня, – вспоминал Джавахарлал Неру. – И все же я подходил к ней как посторонний критик, полный нелюбви к [ее] настоящему и многим пережиткам прошлого... В определенной степени я пришел к ней через Запад и смотрел на нее, как мог бы смотреть дружественно настроенный европеец» (Nehru 1994: 47).

Идеологи индийского национализма изучали собственное прошлое «через Запад», и воздействие английских ориенталистских концепций ощутимо в каждой строке их сочинений, прежде всего в «открытии Индии» Неру – своего рода историческом манифесте индийского национализма. Однако не все построения британских ученых принимались как Священное Писание: индийская элита нередко переворачивала затверженные со школы догмы с ног на голову. Так, если европейский арийский дискурс устанавливал превосходство европейцев над своими «деградировавшими родственниками-индийцами», то индийские публицисты заявляли, что «этот арийский бенгалец, которого, вопреки приличиям и этнологии, вы имеете привычку называть ниггером, на самом деле – ваш старший брат... ваш кровный родич, с которым долг обязывает вас вести себя милостиво, справедливо и сдержанно, и за обращение с ним вы ответите пред Богом, нашим общим отцом» (цит. по: Dalmia 2001: 41).

Отношение британской историографии ко многим индийским историческим персонажам как к «отбросам» и «бандитам», а к истории Индии в целом – как к саге о «деградации», стимулировало активную деятельность националистов по открытию и «реабилитации» для читающей публики прошлого как славной, героической эпопеи, в которой было немало достойных гордости страниц (Ванина 2007: 115–148). Так, лидер левого крыла бенгальских националистов Б. Ч. Пал (1858–1932) заявлял: «Пусть знают все, кого это касается, что Индия будет оценивать своих героев на собственном, национальном пробирном камне и ни в коем случае не примет баллов, выставленных иностранными оценщиками, неспособными по своему эгоизму и невежеству к познанию истины, как бы высоко они ни возносились в официальной иерархии» (Pal 1962: 256).

* * *

Индия независима уже более семи десятилетий; в ней сложились национальные научные школы, внесшие значительный вклад

в понимание специфики исторического развития страны и взаимодействующие с современной западной историографией на равных, а не по системе «учитель – ученик». Однако наследие колониальной индологии живо и ощутимо: в программах колледжей и университетов труды современных национальных и западных авторов соседствуют с сочинениями Дж. Милля, В. Смита и др.; они, и это важно, изучаются не как документы из прошлого, а как классические труды, без которых познать историю Индии невозможно. До сих пор в ходу предложенные английскими ориенталистами концепции и периодизация, давно пересмотренные на современном Западе. До сих пор многие исторические работы начинаются с ритуальных сетований об «антиисторичности» индийской цивилизации и отсутствии «правильных» источников, хотя изучены, описаны и введены в научный оборот ничтожные доли процента тех письменных памятников прошлого, которые пылятся и поедаются насекомыми в архивах и хранилищах, не говоря уже о нетронутых сокровищах в сундуках знатных семей или в храмах – к чему изучать то, чего, как учили в школах еще деда, нет и не может быть? До сих пор слова «средневековый», «феодальный» воспринимаются как негативные эпитеты, напоминающие о «мрачном» периоде в истории страны, и автору этих строк минимум дважды индийские редакторы и издатели настоятельно советовали отказаться от слов *medieval* и *feudal* в заглавиях своих работ. Индийцы оказались гораздо более прилежными учениками колониальных индологов, чем сами западные ученые, и наследие английского ориентализма, перереформировавшего историческое сознание индийцев, продолжает жить в современном государстве, претендующем на статус сверхдержавы и строящем свою идеологию на постулатах национального величия.

Литература

- Ванина, Е. Ю.** 2007. *Средневековое мышление: индийский вариант*. М.: Вост. лит-ра.
2014. *Индия: история в истории*. М.: Вост. лит-ра.
- Гегель, Г. В. Ф.** 1993. *Лекции по философии истории*. СПб.: Наука.
- Ионов, И. Н.** 2010. Стратегии деисторизации. В: Репина, Л. П. (ред.), *Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад*. М.: Кругъ, с. 48–61.
- Суворова, А. А.** 1999. *Мусульманские святые Южной Азии XI–XV веков*. М.: ИВ РАН.

Тагор, Р. 1987. *Избранное*. М.: Просвещение.

Чеканцева, З. А. 2012. «Нарративное» время историка. В: Репина, Л. П. (ред.), *Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы*. М.: Изд-во ЛКИ, с. 55–75.

Штитенкрон, Г. фон. 1999. О правильном употреблении обманчивого термина. В: Глушкова, И. П. (отв. ред.), *Древо индуизма*. М.: Вост. лит-ра, с. 246–264.

Akbar Illahabadi (1846–1921). Satirical Verses and Excerpts from “Dialogue Between Old and New”/ transl. by M. Farooqi. In Nijhavan, Sh. (ed.), *Nationalism in the Vernacular. Hindi, Urdu and the Literature of Indian Freedom: an Anthology*. 2010. Delhi: Permanent Black.

Alexander, M. 2007. *Medievalism: the Middle Ages in Modern England*. Yale: Yale University Press.

Appadurai, A. 1993. Number in the Colonial Imagination. In Breckenridge, C. A., van der Veer, P. (eds.), *Orientalism and the Postcolonial Predicament*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, pp. 314–341.

Cohn, B. S. 1996. *Colonialism and Its Form of Knowledge*. Princeton: Princeton University Press.

Dalmia, V. 2001. *The Nationalization of Hindu Traditions. Bhāratendu Hariścandra and Nineteenth-Century Banaras*. Delhi: Oxford University Press.

Dow, A. 1770–1772. *The History of Hindostan, from the Death of Akbar, to the Complete Settlement of the Empire under Aurunzebe. To which are prefixed, I. A Dissertation on the Origin and Nature of Despotism in Hindostan. II. An Enquiry into the State of Bengal; with a Plan for Restoring that Kingdom to its Former Prosperity and Splendor*. Vol. III. London: Printed for T. Becket and P. A. De Hondt.

Dowson, J. (ed.). 1867. *The History of India as Told by Its Own Historians. The Muhammadan Period*. Edited from the Posthumous papers of the late Sir H. M. Elliot, K. C. B., East India Company’s Bengal Civil Service. Vol. II. London: Trübner.

Frykenberg, R. E.

1993a. Constructions of Hinduism at the Nexus of History and Religion. *The Journal of Interdisciplinary History* 23(3): 523–550.

1993b. Hindu Fundamentalism and the Structural Stability of India. In Marty, M. E., Appleby, R. S. (eds.), *The Fundamentalism Project*. Vol. III. *Fundamentalisms and State Remaking Politics, Economies and Militancy*. Chicago; London: University of Chicago Press, pp. 233–255.

Gottlob, M. 2002. India’s Connection with History. The Discipline and the Relations between Centre and Periphery. In Fuchs, E., Stuchtey, B. (eds.),

Across Cultural Borders. Historiography in Global Perspective. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, pp. 75–98.

Gupta, M. 1954. *Bhārat bhāratī*. Chirganv, Jhansi: Sahitya Sadan, pp. 118–119.

Jones, W. 1807. The Third Anniversary Discourse (delivered 2 February, 1786, by the President, at the Asiatick Society of Bengal). *The Works of Sir William Jones. With a Life of the Author, by Lord Teignmouth [John Shore]*. Vol. III. London: John Stockdale and John Walker.

Keay, J. 2001. *India Discovered. The History of a Lost Civilization*. London: Harper Collins.

Lal, V. 2003. *The History of History. Politics and Scholarship in Modern India*. Delhi: Oxford University Press.

Lane-Poole, S. 1903. *Mediaeval India under Mohammedan Rule 712–1764*. New York: G. P. Putnam's Sons; London: T. Fisher Unwin.

MacDonnel, A. A. 1900. *A History of Sanskrit Literature*. New York: D. Appleton and Company.

Metcalf, T. R. 1995. Ideologies of the Raj. *The New Cambridge History of India*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 92–112.

Mill, J. 1972. *History of British India*. Reprint. Vol. I. Delhi: Associated Publishing House.

Nehru, J. 1994. *The Discovery of India*. Delhi: Oxford University Press.

Pal, B. C. 1962. Shivaji the True Democrat. In Saggi, P. D. (ed.), *Life and Work of Lal, Bal and Pal*. Delhi: Overseas Publishing House.

Rüsen, J. 2005. *History: Narration, Interpretation, Orientation*. Oxford; New York: Berghahn Books.

Said, E. 2003. *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*. London: Penguin.

Smith, V. A. 1914. *The Early History of India from 600 B.C. to the Muhammadan Conquest*. Oxford: Clarendon Press.

Thapar, R. 2002. *Early India From the Origins to AD 1300*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

The Miscellaneous Writings and Speeches of Lord Macaulay. 2004. Vol. IV. Whitefish: Kessinger Publishing.

Waligora, M. 2004. What is Your 'Caste'? The Classification of Indian Society as Part of the British Civilizing Mission. In Fischer-Tiné, H., Mann, M. (eds.), *Colonialism as Civilizing Mission: Cultural Ideology in British India*. London: Anthem Press, pp. 141–164.

Weber, A. 1882. *The History of Indian Literature*. London: Trubner.